

Чжи быстро вытерла влажные следы у бассейна, помогла Ли Аньле просушить волосы и облачила его в свободную мантию из тяжелой парчи. Прибравшись, она поддержала господина под локоть, ведя его к мягкому дивану во внутренних покоях.

Хэ Ланьлин следовал за ними по пятам, наблюдая со стороны. Тело этого хоу казалось невыносимо хрупким: он то опирался на спинку дивана, то искал поддержки у служанки, словно терял равновесие без посторонней помощи.

Чжи водрузила у ложа небольшой столик из благородного дерева наньму. На подносе дымилась миска с целебным отваром, а рядом лежала тарелка с засахаренными цукатами. Она привычно взялась за ложку, чтобы поднести лекарство к губам Ли Аньле, но тот лишь слегка отвернул голову, не открывая рта. Его взгляд, холодный и непроницаемый, устремился на Хэ Ланьлиня.

Сообразительная Чжи мгновенно уловила немой приказ. Она отложила ложку, бережно взяла чашу с лекарством и, обернувшись к Хэ Ланьлиню, почтительно склонилась: — Молодой господин Хэ, прошу, подайте хоу лекарство. Указав на цукаты, она тихо добавила: — Хоу не терпит горечи. Следует чередовать глоток лекарства с кусочком сладости. Прошу, кормите его медленно, чтобы он мог спокойно проглотить.

Хэ Ланьлин посмотрел на темную, густую жидкость в чаше, затем на Ли Аньле, беспомощно прислонившегося к подушкам, и в душе вздохнул: «Этот предок не может усидеть спокойно ни на мгновение. Даже прием лекарств превращается в представление».

Он взял чашу, зачерпнул ложку, подул, остужая, и поднес к губам Ли Аньле. Тот отпил, его горло судорожно сжалось, а лицо мгновенно исказилось, словно сама душа страдала от пронзительной горечи, пропитавшей тело.

— Тебе тоже стоит, — внезапно бросил Ли Аньле, указывая на миску. Тон его был упрямым, не допускающим возражений.

Хэ Ланьлин замер в замешательстве, но, повинаясь воле, опустил взор и сделал крошечный глоток. Горечь ударила в язык, сопровождаемая тяжелым, удушливым рыбным духом. Лицо его осталось бесстрастным, лишь глаза спокойно наблюдали за хоу.

— Горько? — Ли Аньле прищурился, впившись в него взглядом.

— Нет горечи, — честно ответил Хэ Ланьлин.

Ли Аньле нахмурился еще сильнее, явно раздраженный такой сдержанностью: — Лжец. Допей остальное.

Хэ Ланьлин не сказал ни слова. Он взял миску, запрокинул голову и одним глотком осушил остатки отвара. Чжи, наблюдавшая сбоку, едва удержалась, чтобы не вмешаться с советом, но, вспомнив про подогретое лекарство на кухне, лишь потупилась и отошла в сторону.

— Выпил всё и что? — настаивал Ли Аньле. — Горько или нет?

Хэ Ланьлин на мгновение замолчал, избегая его взора, и тихо произнес: — Нет горечи.

— Врешь! — голос Ли Аньле внезапно потемнел, в нем прозвучало раздражение от того, что его так легко игнорировали.

Хэ Ланьлин впервые позволил своим истинным чувствам прорваться наружу. Тон его был спокоен, но в нем слышалась глубокая беспомощность: — Оно не горькое... но от него меня тошнит.

Услышав это, Ли Аньле вдруг улыбнулся. Он лишь фыркнул и больше не стал задавать вопросов. Чжии, зорко следивший за происходящим, тут же бесшумно выскользнул и вскоре вернулся с миской свежего лекарства.

На этот раз Ли Аньле не капризничал. Следуя наставлениям Чжии, Хэ Ланьлин давал ему лекарство, а затем протягивал цукат. Сладость засахаренных фруктов мешалась с горечью отвара. Ли Аньле хмурился, допивая последний глоток, его лицо омрачилось. Наконец, он нетерпеливо махнул рукой: — Убирайся.

Хэ Ланьлин слегка поклонился и удалился. У дверей он заметил, что Чжии осталась ждать, не собираясь уходить. Пройдя по коридору, он почувствовал, как ночной ветерок, овевающий лицо, рассеивает удушливый запах лекарств.

Прошло время, равное примерно половине чаши чая, когда Чжии догнала его и проводила во внутренний двор: — Молодой господин Хэ, прошу сюда. Ваша резиденция прямо впереди.

Сквозь бамбуковую рощу они подошли к аккуратному дому. Чжии распахнула двери: — Всё приготовлено для вашего отдыха. Если что-нибудь понадобится, просто позовите слугу.

Когда Хэ Ланьлин поблагодарил его и вошел внутрь, Чжии уже спешила обратно — впереди ждала забота о Ли Аньле: уложить господина спать и погасить свет в комнате.

Время летело быстро. Дни сменялись неделями, и характер Ли Аньле оставался прежним — непредсказуемым, как погода. Иногда, в порыве милости, он щедро одаривал Хэ Ланьлина подарками; в следующий же миг мог вспыхнуть из-за пустяка, повергая окружающих в недоумение.

Однако он даровал Хэ Ланьлиню ощутимые привилегии, поручая ему дела поместья, фактически наделяя властью. Пользуясь этим, Хэ Ланьлин несколько раз навещал младшего брата, тайком передавая деньги и вещи. В глубине души он знал: каждый его выход за ворота, каждая передача — всё это происходило с молчаливого одобрения Ли Аньле.

Так наступил день королевской охоты. Еще до рассвета просторная карета резиденции хоу остановилась у ворот. Внутри всё было предусмотрено для жаровня в углу.

Ли Аньле, чье здоровье было столь хрупким, отправился в путь, облаченный в синий костюм для верховой езды и стрельбы из лука. Поверх него свободно накинута лисья меховая накидка. Он откинулся на подушки и закрыл глаза, предаваясь отдыху.

Чжии ждала снаружи. Увидев Хэ Ланьлиня, переодетого в черный охотничий наряд, она приподняла занавеску и доложила: — Мой господин, молодой господин Хэ прибыл.

В карете повисла недолгая пауза, затем раздался ленивый голос Ли Аньле: — Впусти его.

Хэ Ланьлин поднял занавеску и тихо вошел, сев напротив. Ли Аньле открыл глаза лишь тогда, когда карета тронулась, и, глядя куда-то сквозь стенку, бросил: — Возьми.

В пути Хэ Ланьлин заметил на маленьком столике тарелку с изящными пирожными в форме персиковых цветов. Розовато-белая глазурь с едва заметным узором выглядела свежей, словно их только что испекли.

В последние два дня Ли Аньле вдруг пристрастился к этой игре — кормить других. Словно дразня птицу в золотой клетке или кошку на карнизе, он ждал, пока «животное» возьмет лакомство, и лишь тогда в его глазах вспыхивала легкая усмешка.

И сейчас Ли Аньле протянул руку, взял пирожное и, бесстрастно глядя на Хэ Ланьлина, сказал: — Ешь.

Хэ Ланьлин слегка склонил голову и откусил кусочек прямо с пальцев господина. Он был озадачен. В поместье полно слуг, Чжии рядом с Ли Аньле с детства, их близость несравнима. Почему же он выбрал именно его в качестве мишени для своих прихотей?

Хэ Ланьлин выразил это тактично: — Ваше Высочество необычайно милостивы, но в поместье много слуг. Зачем беспокоить вас лично, подавая еду?

Ли Аньле поднял на него взгляд, вдруг улыбнулся и, вместо ответа, приподнял занавеску, крикнув наружу: — Чжии!

Служанка тут же оказалась у окна: — Слушаю, господин.

Ли Аньле взял еще одно пирожное и протянул его наружу. Чжии почтительно приняла угощение обеими руками: — Благодарю, хоу.

— Съешь, — спокойно бросил Ли Аньле.

— Да, — ответила Чжии и начала есть маленькими кусочками.

Ли Аньле опустил занавеску, повернулся к Хэ Ланьлиню и произнес с едва заметной издевкой: — Видишь, ты — самый забавный.

— Вы слишком любезны, Ваше Высочество, — Хэ Ланьлин опустил глаза, голос его не выражал ни единой эмоции.

Карета остановилась у въезда на охотничьи угодья. Ли Аньле поправил плащ, выпрямился и бросил через плечо: — Сначала я отправлюсь к отцу и матери, а затем отдам дань уважения дяде-императору. Ты можешь бродить где пожелаешь.

— Слушаюсь, — ответил Хэ Ланьлин.

Чжии распахнула дверцу, помогая Ли Аньле выйти. Тот направился прямо к ярко-желтым шатрам императорской резиденции. Хэ Ланьлин еще некоторое время оставался в карете, затем вышел наружу.

На угодьях развевались знамена, вдали гремели копыта лошадей и шумела толпа, создавая картину праздника. Он огляделся. Как заложник, Хэ Ланьхэн должен был присутствовать здесь, и Хэ Ланьлин знал, что где-то там, в этой суете, его брат ждет встречи.